

Нань Цзин моргнул и безучастно отозвался:

— Понятно.

Юй Аньянь на мгновение замешкался, а затем поспешно выпустил юношу из объятий. Нань Цзин поднялся на ноги.

Оказавшись снаружи, они без лишних слов проигнорировали оставшихся в гробах спутников, словно тех и вовсе не существовало.

Умолчав о колокольчике, Нань Цзин вкратце пересказал то, что с ним произошло:

— Проводить этот ритуал нельзя, это очевидно. Но нам всё ещё нужно найти вторую половину ритуальной книги. Если мы отыщем способ полностью сорвать подношение, то сможем выбраться отсюда.

— Со мной случилось почти то же самое, — Юй Аньянь пристально посмотрел на юношу; в глубине его темных глаз бушевал целый вихрь скрытых чувств. — Разве что с призраком я не беседовал. Просто окоченел и не мог пошевелиться. Ты разбудил меня в самый последний момент, когда с меня уже собирались содрать кожу. — Он помолчал и добавил: — Нань Цзин, ты снова спас мне жизнь.

— Не стоит благодарности, — ровным, подчеркнуто вежливым тоном ответил Нань Цзин. — Я лишь сделал то, что должен.

В конце концов, ему всё ещё нужно было забрать колокольчик, сокрытый в теле режиссера.

Юноша держался столь невозмутимо и официально, что Юй Аньянь невольно кашлянул, слясь вернуть лицу привычную холодную строгость. Справившись с замешательством, он сосредоточился на деле:

— Сперва нужно отыскать книгу. Если судить по твоим словам, злейший дух деревни Одинокого Дракона — это тот самый «бог», о котором твердил староста. Нам необходимо найти вторую часть записей. Только так мы поймем, что делать дальше.

Он нахмурился, прикидывая время:

— Нужно поторапливаться. Ритуал назначен на завтрашнее утро. Мы обязаны раздобыть книгу до того, как всё начнется.

— Но мы уже осмотрели все гробы, — Нань Цзин задумчиво оглядел мрачное помещение третьего этажа. — И там ничего не было.

Юй Аньянь проследил за его взглядом. Задержав внимание на черном лакированном гробе, в котором лежал Нань Цзин, он едва заметно усмехнулся:

— Не совсем так. Эти четыре лакированных гроба мы как раз обошли вниманием. Вдруг разгадка куда проще, чем кажется, и вторая часть книги спрятана прямо здесь?

В глазах Нань Цзина промелькнуло понимание. Он быстро подошел к своему недавнему ложу — черному лакированному гробу, в котором теперь томился запечатанный им староста, обратившийся в чудовище.

Юноша перегнулся через край и принялся бережно, дюйм за дюймом ощупывать деревянное дно. В самом углу пальцы наткнулись на знакомую холодную и скользкую текстуру. Вытащив находку на свет, Нань Цзин щелкнул зажигалкой.

В его руках действительно оказался лоскут кожи размером примерно в две ладони. Она отливала тем же лоснящимся желтовато-бурым блеском. На лицевой стороне были выведены восемь иероглифов судьбы — гороскоп ба-цзы, составленный по лунному календарю. Присмотревшись, Нань Цзин обомлел: эти данные принадлежали ему.

— Что там? — спросил Юй Аньянь.

Нань Цзин указал пальцем на исписанную кожу и негромко произнес:

— Это ба-цзы... Мои восемь иероглифов. Но я ума не приложу, откуда у жителей деревни столь точные сведения.

Расчет судьбы был составлен с пугающей точностью — вплоть до минуты его рождения.

Он вовремя пресек ненужные мысли, понимая, что сейчас неподходящее время для разгадывания личных тайн. Не дожидаясь ответа спутника, Нань Цзин перевернул кожаный свиток. На обороте теснились строки, завершающие ритуальное руководство.

Переглянувшись, они склонились над текстом. При тусклом свете зажигалки Нань Цзин прочитал вслух:

«Вколотите в крышку гроба семь гвоздей и несите его на Небесную лестницу. Помните: вступать на Небесную лестницу дозволено лишь в час Инь. Когда четверо несущих достигнут середины пути, следует записать восемь иероглифов судьбы покойного на бумаге и сжечь над пламенем особой красной свечи.

Сие действие подавит и истребит посмертную обиду и злобу запертого внутри. Затем донесите гроб до самого верха Небесной лестницы и предайте его земле подле могилы Божества. На том ритуал будет завершен».

Нань Цзин перевел взгляд на черный лакированный гроб. Судя по кошмарному видению, навеянному призраком женщины, «он сам» изначально и должен был стать сакральной жертвой для этой деревни. И этот лоскут кожи, извлеченный со дна, подтверждал, что староста с пособниками как-то раздобыли его ба-цзы.

Разумеется, проводить ритуал по правилам они не собирались.

Юй Аньянь нахмурился, анализируя прочитанное.

— Книга требует сжечь твои иероглифы на середине Небесной лестницы, чтобы подавить твой дух, — медленно произнес он. — Но мы не станем приносить тебя в жертву и жечь бумагу. Если мы нарушим это условие, ритуал пойдет прахом. Это наш шанс на спасение.

— Да, — кивнул Нань Цзин. — Я думаю так же.

Приняв решение, они начали готовиться к тому, чтобы запечатать гроб и выступить к Небесной лестнице. Только сейчас Нань Цзин вспомнил, что по местным обычаям для процессии требовалось четыре человека. Значит, придется вызволять оставшихся двоих, всё еще запертых в черных лакированных гробах.

С абсолютно бесстрастным лицом Нань Цзин отодвинул крышку первого гроба и приложил Печать призрака к груди оператора, возвращая того в сознание. Закончив, он неторопливо подошел к ложу Ли Ифэя и проделал то же самое.

Однако на телах этих двоих печать не оставила никакого следа. Нань Цзин невольно вспомнил золотисто-алый узор, отпечатавшийся на правом плече Юй Аньяня, и озадаченно замер.

Почему след остался только на режиссере?

Заметив его заминку, Юй Аньянь скосил глаза на свое плечо. Плотная ткань рубашки уже была приведена в порядок, надежно скрывая золотисто-алую метку.

— Что-то не так? — поинтересовался он.

Нань Цзин покачал головой:

— Ничего.

Сейчас было не до загадочных клейм. В конце концов, ему могло просто показаться.

Оператор с тихим хрипом вывалился из черного ящика. Без сил рухнув на пол, он судорожно

схватился за грудь. Рот его беззвучно разинулся в немом крике — дикая боль лишила его голоса. Дрожащими руками он оттянул ворот пропотевшей футболки и уставился на свою грудь остекленевшим взглядом.

Нань Цзин нахмурился и поднес зажигалку ближе к оператору. В неровном колеблющемся пламени стало видно, что на обнажившемся участке груди не хватало куска кожи — его срезали пугающе ровным, идеальным полукругом.

Этот человек забрался в гроб первым. Время шло быстрее в потустороннем мороке, и там с него действительно успели частично содрать кожу. Оператор сидел недвижимо, замороженно глядя на рану. Он помнил предупреждение Нань Цзина, озвученное еще во время поисков ассистента Чэня: лишившись лоскута кожи, человек становится уязвимым для нечисти, готовый занять его место.

— Что... что мне делать? — прошелестел он побелевшими губами.

Нань Цзин безучастно смотрел на него. На бледном лице юноши не отразилось ни капли жалости.

Оператор сам добровольно вызвался лезть в гроб. Да и то, как они с Ли Ифэем пытались вытолкнуть Нань Цзина на убой в качестве подношения, еще свежо было в памяти. Так что нынешняя кара была лишь закономерным возмездием.

Беспокоиться о том, что эти двое лишатся рассудка и подвергнутся одержимости прямо сейчас, до начала процессии, не стоило. Злые духи деревни жаждали завершения ритуала сильнее, чем кто-либо другой. А поскольку в священном писании черным по белому значилось: нести гроб должны четверо живых людей, твари не посмеют занять тела Ли Ифэя и оператора, пока те не доставят ношу к месту назначения.

— А-а-а-а! — истошный, захлебывающийся вопль разорвал могильную тишину.

Ли Ифэй с позором выкатился из своего гроба. Он извивался на полу, словно по его телу ползали полчища насекомых. Обливаясь слезами и соплями, он в панике рвал на себе одежду. Стоило ему опустить взгляд на грудь, как из его горла вырвался визг:

— Моя кожа! С меня содрали кожу!

— Что мне делать?! Я не хочу умирать! Я должен стать суперзвездой! — безумствуя, он катался по пыльным доскам. Пальцы тянулись содрать зудящую плоть, но в последний миг он в ужасе отдергивал руки. Наконец, застыв в нелепой позе, Ли Ифэй огляделся. Его блуждающий взор наткнулся на съежившегося оператора, а затем — на Нань Цзина и Юй Аньня.

Оба стояли как ни в чем не бывало. Целые и невредимые.

Почему? Почему с ними всё в порядке?! Ладно режиссер, но этот нищелюб Нань Цзин... Почему его обошла стороной эта жуткая участь?!

Волна слепой ярости захлестнула разум Ли Ифэя. Взгляд, устремленный на юношу, налился ядовитой злобой.

«Я не должен умереть, — бешено колотилось в его черепушке. — Сдохнуть должен этот ублюдок Нань Цзин! Только он!»

Копошась в пыли, актер уставился на тяжелую дверь.

— Ритуал... — пробормотал он бессвязно. — Если мы завершим его, божество исполнит наше желание, и мы выберемся... Точно!

Позабыв о невыносимой боли в груди, он вскочил на ноги и бросился к выходу. С силой рванув на себя деревянную створку, Ли Ифэй заорал во всю глотку:

— Живее! Надо тащить гроб на Небесную лестницу! Закончим подношение — и спасёмся!

В открытый проем ворвался ледяной, загробный вихрь. Нань Цзин, до этого игнорировавший истерику этого идиота, нахмурился и повернулся к выходу.

Ли Ифэй же осекся на полуслове, точно удушенная птица. Он попятился, споткнулся о порог и тяжело шлепнулся на пол, уставившись в пустоту полным ужаса взглядом.

Нань Цзин вновь чиркнул колесиком зажигалки. Свет был слабым, а до порога оставалось приличное расстояние, но юноша сумел разглядеть происходящее. Пространство за дверью поглотила беспросветная мгла. Они поднялись сюда по лестнице со второго этажа, и за порогом должен был тянуться коридор с гостевыми комнатами.

Однако теперь там клубился лишь плотный, удушливый туман. В этой черной жиже копошились и выли бесчисленные призрачные личины, пытающиеся прорваться в комнату. Одна из уродливых рож, искаженная предсмертной мукой, уже тянулась к испуганному актеру.

Сердце Нань Цзина тревожно екнуло.

Юй Аньянь бросил быстрый взгляд на проем и ледяным тоном скомандовал:

— Закрой дверь. Быстро.

Этот безапелляционный приказ привел оцепеневшего от ужаса Ли Ифэя в чувство. Он вскочил,

с грохотом захлопнул створку и, дрожа всем телом, уставился на спутников.

Панический страх вперемешку со злобой окончательно лишили актера рассудка. Ткнув дрожащим пальцем в сторону юноши, он истошно завизжал:

— Нань... Нань Цзин! Ты же избранная жертва! Без ритуала мы все здесь подохнем!

— Заткнись, — сухо оборвал его Нань Цзин. Тратить время на объяснения не хотелось. — Никто не умрет.

Однако короткий ответ лишь сильнее раззадорил обезумевшего Ли Ифэя. Ослепленный яростью и ужасом перед неминуемой гибелью, он с кулаками ринулся на юношу.

— Ли Ифэй, — негромко позвал Юй Аньянь.

Режиссер стоял, небрежно прислонившись к черному лакированному гробу и скрестив ноги. Вид у него был на редкость безразличный, однако в правой руке он крепко сжимал тяжелые ножницы — те самые, которыми совсем недавно кромсал оживших мертвецов. Острые лезвия смотрели прямо в лицо актеру.

Слегка качнув грозным оружием, Юй Аньянь указал на угол комнаты:

— Вернись на место.

Ли Ифэй замер как вкопанный. С трудом сглотнув слюну, он бросил робкий взгляд на ножницы и послушно попятился обратно в свой угол.

Никогда прежде режиссер не казался ему столь опасным. От Юй Аньяня веяло такой неприкрытой, хищной угрозой, что любые мысли о сопротивлении мгновенно улетучились. В глубине души актер понимал: сделай он хоть шаг к Нань Цзину, Юй Аньянь без колебаний пустит это лезвие в ход.

— Время для ритуала еще не пришло, — ровным тоном произнес Юй Аньянь. — Сейчас на Небесную лестницу соваться бесполезно. Будем ждать.

— Вы лжете мне! — сорвался на визг Ли Ифэй. — Как проводить ритуал без жертвы?! Нань Цзин же цел!

— Я убил старосту, — бесстрастно отозвался Нань Цзин, мазнув по нему безразличным взглядом. — Его туша вполне сойдет на замену.

Ли Ифэй ошарашенно открыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова. Притаившийся в тени оператор бросил полный суеверного ужаса взгляд на юношу, облаченного в алое, словно свежая кровь, свадебное платье, и шумно сглотнул.

Ни Нань Цзин, ни Юй Аньянь не стали тратить силы на лишние разъяснения. Они смолчали и о найденной второй части ритуальной книги. Юноше было попросту лень метать бисер перед свиньями.

Юй Аньянь же смотрел на вещи куда глубже. Он слишком хорошо понимал природу человеческого эгоизма. Объясни они сейчас Ли Ифэю и оператору свои планы по срыву ритуала, те из чистой трусости и желания выжить костями бы легли, но заставили их завершить подношение по правилам.

Кожаный лоскут с ба-цзы Нань Цзина должен оставаться у них. Так надежнее.

Услышав суровое «ждать», пленники затихли. Терзаемые адской болью от содранной кожи, они забились в самый темный угол и со страхом вслушивались в шорохи за стенами. Напряжение и физическое истощение в конце концов взяли свое — израненные бедолаги забылись тревожным, рваным сном.

Нань Цзин аккуратно спрятал кожаную рукопись в глубь своего черного рюкзака, отложил его в сторону и уселся на пол, скрестив ноги. Им обоим требовалась передышка перед решающим броском.

— Отдохните немного, режиссер Юй, — тихо произнес Нань Цзин. — Я посижу за временем.

В книге говорилось, что восхождение на Небесную лестницу разрешено лишь в час Инь, когда тьма уступает место рассвету.

Нань Цзин чиркнул зажигалкой и склонился к руке Юй Аньяня, чтобы взглянуть на циферблат механических часов. До трех оставалось чуть меньше часа.

Юй Аньянь сидел напротив юноши, вольно вытянув одну ногу и согнув в колене другую. Пряди отросших волос касались шеи. Обычно высокомерное и холодное лицо мужчины потеплело, когда он посмотрел на Нань Цзина.

— Не нужно. Я не хочу спать.

— Я тоже, — отозвался Нань Цзин, подперев подбородок ладонью.

В неверных отблесках пламени зажигалки строгие черты Юй Аньяня смягчились. Разрез его глаз казался тоньше, тонкие губы были плотно сжаты, а крохотная алая родинка под правым веком словно покачивалась в такт пляшущему огоньку. В этот миг он больше не выглядел

холодным и недостижимым.

Вглядываясь в тающую темноту, режиссер негромко заговорил:

— Нань Цзин... Ты должен выбраться отсюда живым. Чего бы это ни стоило.

Этот гордый человек никогда не склонял головы перед ударами судьбы и презирал покорность. Но сейчас в его груди затеплилась робкая, отчаянная надежда: пусть злой рок, сулящий ему скорую гибель, пощадит этого юношу.

Если кому-то и суждено покинуть деревню Одинокого Дракона, то пусть это будет Нань Цзин.

Нань Цзин слегка поджал губы и твердо ответил:

— Мы выберемся вместе. Оба.

В непроглядном мраке старого молельного зала, заставленного гробами, трепетал лишь крохотный язычок пламени. Воздух наполнился удушливым запахом гнили и сырости. Стужа пробирала до костей: ледяные пальцы сквозняка скользили по спинам, заставляя содрогаться от пронизывающего холода.

Пользуясь редкими минутами затишья, Юй Аньянь разглядывал юношу напротив. В его темных глазах отражался силуэт Нань Цзина: тонкие пряди черных волос, льнущие к вискам, светлые глаза, искрящиеся живым блеском, и влажные, розоватые губы.

Взгляд режиссера скользнул ниже — к шее, где на алой, как свежая кровь, нити висел серебряный колокольчик. Окруженный бледной теплой кожей изящных ключиц, этот талисман мерно покачивался при каждом вдохе. В этом зрелище было нечто... завораживающее и глубоко личное.

Юй Аньянь едва заметно сглотнул. Он медленно коснулся пальцами губ, словно сдерживая рвущийся наружу порыв, но тут же опустил руку.

Нань Цзину было всего девятнадцать. В его годы юноши обычно оканчивают школу, наслаждаются каникулами и досадуют на летние ливни, мешающие гулять с друзьями. А этот мальчишка сидел в промозглой сырости заброшенного дома, бок о бок с ним сторожил ряды гробов и готовился встретить неведомую, грозную судьбу.

— Нань Цзин, — Юй Аньянь грустно усмехнулся. — Ты единственный, кто пришел мне на выручку не ради богатств семьи Юй и влияния моего отца.

Мужчина запустил пальцы в волосы, убирая челку со лба. В его потемневшем взоре

проступила застарелая, глубокая горечь.

— Раньше я ненавидел всех вокруг. Когда мне было шесть, я тяжело заболел. Тогда один прорицатель заявил, что мне не суждено переступить порог двадцатитрехлетия.

— «Судьба девственного отрока» — вот кем я стал для своей семьи и для всего остального мира.

На губах режиссера заиграла горькая усмешка, а в глазах блеснул холод:

— Тот, кому суждено уйти молодым, не заслуживает ничьих надежд и чаяний. Даже собственный отец вынес мне этот приговор.

Зажигалка в руке Нань Цзина тихо щелкнула и погасла — металл слишком сильно нагрелся. Комнату вновь поглотил беспросветный мрак.

Столичный град

Тем временем в столице, в роскошной вилле семейства Юй, раздался испуганный вопль. Мгновение спустя с резким щелчком вспыхнул свет, заливая коридоры ослепительным сиянием.

Отец Юй Аньня, Юй Хун, тяжело дыша, сел на постели. Лоб его покрывали крупные капли пота. Он рвался на гору Одинокого Дракона, чтобы лично руководить спасательной операцией, но приглашенный мастер фэншуй строго-настрого запретил ему это делать.

Тот прямо заявил: «Ваши судьбы с сыном вступают в жесткое противоречие. Вам лучше оставаться в столице. Попытайтесь явиться в деревню Одинокого Дракона — лишь погубите Юй Аньня».

Юй Хун изнывал от тревоги, мечась по дому как тигр в клетке, но вынужден был подчиниться. Ему оставалось лишь без умолку обрывать телефоны, координируя спасателей из своего столичного кабинета. К счастью, последние сводки обнадеживали: ливень в горах Одинокого Дракона наконец утих. Спасательный отряд ждал лишь подтверждения, что угроза новых оползней миновала, чтобы немедленно выдвинуться к отрезанной от мира деревне.

Верный помощник генерального директора, старина Сюй, трудился на благо семьи долгие годы и славился редкой рассудительностью. С тех пор как от Юй Аньня перестали поступать вести, Сюй ни на минуту не покидал своего начальника, беря на себя управление делами компании и координируя поиски.

Услышав дикий крик, донесшийся из спальни хозяина, старина Сюй прервал работу и поспешил вверх. Постучав, он вошел в комнату. Юй Хун сидел на измятых простынях; седые взъерошенные волосы обрамляли искаженное ужасом лицо.

Помощник тихо подошел ближе и спросил сочувственным тоном:

— Генеральный директор Юй, вам приснился кошмар?

Юй Хун поднял на него воспаленные, покрасневшие глаза. Несмотря на почтенный возраст, в его взгляде всё еще угадывался прежний, былой магнетизм. Старина Сюй невольно подумал, что Юй Аньянь унаследовал от отца всё лучшее — и выдающийся ум, и яркую, породистую внешность.

Вот только... какая трагическая судьба ему уготована.

— Сюй... — прохрипел Юй Хун. Голос его дрожал от раскаяния и невыносимой боли, лицо казалось постаревшим на добрый десяток лет. — Мне приснился Аньянь. Тот день, когда ему исполнилось двенадцать. Ты ведь помнишь? Наш Ань-Ань тогда едва не... едва не шагнул вниз.

Сюй, разумеется, прекрасно помнил ту драму. В семье Юй никто не смог бы забыть о случившемся. Когда Аньяню исполнилось двенадцать, на пороге дома объявилась женщина с ребенком. Она передала старому главе семейства весть: одиннадцать лет назад случайная интрижка с Юй Хуном принесла плоды.

В то время семейство Юй лихорадило. Из-за проблем со здоровьем наследники давались Юй Хуну с огромным трудом, а долгожданный единственный сын Аньянь с самого детства нес на себе проклятие ранней смерти.

Всё внимание родных тут же переключилось на новоявленного отпрыска. Никто и не заметил, что Аньянь, ушедший в тот день на занятия в Дворец молодежи, так и не вернулся к ужину. Шофер попросту позабыл забрать мальчика, а сам ребенок не стал звонить домой.

— Я вернулся из офиса поздно вечером и обнаружил, что сына нет дома, — глухо заговорил Юй Хун. Даже спустя одиннадцать лет детали того кошмара всплывали в его памяти с пугающей отчетливостью, а в глазах застыл тот самый леденящий ужас. — Я бросился во Дворец молодежи, но в учебном классе было пусто.

Он замолчал, содрогаясь всем телом. Крупная капля пота скатилась по его седому виску. Уставившись немигающим взглядом на помощника, Юй Хун спросил надтреснутым голосом:

— И где, по-твоему, я его нашел?

«На последнем этаже, перед огромным витражным окном», — мысленно закончил за него Сюй.

За прошедшие годы генеральный директор Юй пересказывал эту историю столько раз, что его преданный помощник, даже не будучи свидетелем тех событий, знал каждую мелочь назубок.

— На самом верхнем этаже, у распахнутого витражного окна, — прошептал Юй Хун, дрожащими пальцами очертив в воздухе цифру. — Семнадцатый этаж... Семнадцатый, Сюй! Мой маленький Ань-Ань стоял на самом краю, у открытой рамы. И смотрел на меня своими бездонными черными глазами.

— Всего один шаг отделял его от бездны. Он повернулся ко мне — бледный, без единой эмоции на лице — и тихо произнес... — Юй Хун зажал рот рукой, давясь рыданиями. Воспоминание причиняло ему почти физическую боль. — Он сказал мне тогда...

«Отец, если я сейчас шагну вниз, у тебя ведь останется только один сын? Настоящий, здоровый наследник, которому суждена долгая жизнь».

<http://bllate.org/book/19041/1950717>